

УДК 821.111

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-7-13

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА

канд. филол. наук А.А. СМУЛЬКЕВИЧ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В настоящей статье изучается творчество английского поэта XIV в. Джеффри Чосера в соотносении с таким литературным явлением, как «спор о женщинах», которое утверждало совершенство женского пола. Поэт опровергает все традиционные обвинения против женщин в неверности, злословии, глупости, привлекая примеры легендарных литературных и исторических героинь, а также используя куртуазный канон для идеализирования образа возлюбленной, совмещающей роль мудрого советчика, друга, верной супруги. Д. Чосер стремится изучить природу Любви как вселенского чувства, вызывающего самопожертвование как мужчин, так и женщин. По мнению поэта, женское начало призвано уравновешивать мужское, призывая не давать волю гневу, предрассудкам и несправедливости. Такое наблюдение позволяет сделать вывод о том, что поэт видел функционирование женщины гораздо шире, чем только частная, семейная сфера. Основной своей задачей Д. Чосер считал предостеречь как мужчин (особенно старых, глупых, жадных мужей), так и женщин (доверчивые женщины не должны стать жертвой неверных, лживых мужчин, способных предать) о негативных моментах любви. В связи с этим он призывал к применению эмпирического подхода, основывающегося на накоплении опыта из имеющихся древних источников и критическом их осмыслении, пример которого он приводит в своем собственном анализе непоследовательности в деяниях и высказываниях мудреца Соломона.

Ключевые слова: «спор о женщинах», светская литература, куртуазный канон, фэблио, защита женщин, образ верной жены, предостережение влюбленным мужчинам и женщинам.

Введение. При многообразии работ, изучающих образ женщины в религиозной и куртуазной литературе Средних веков и Возрождения, недостаточное внимание исследователей уделено светской литературе. Ведь именно она предоставляет возможность изобразить женщину с разных сторон одновременно, выходя за рамки её роли священнослужительницы, мученицы, святой, либо капризной Розы, эфемерной, недостижимой Прекрасной дамы, и не ограничиваясь возвышенными, идеализированными целями, которые не преследовались в реальной жизни. Например, О.Г. Рыбакова обращает внимание на подобное явление во времена расцвета куртуазной литературы: «При этом большинство авторов убеждены, что куртуазная любовь в масштабе средневековой культуры была не социокультурной реальностью, а всего лишь вымыслом» [1, с. 80]. В светских произведениях, включая городскую литературу в форме новелл, фэблио, можно обнаружить более реалистические черты женских персонажей, зачастую уводящие читателя в обсуждение их отрицательных характеристик.

Говорить о положительном восприятии женщины следует в связи с таким позднесредневековым литературным явлением, как «спор о женщинах» (*Querelle des femmes*). Чаще этот «спор» относят к западноевропейской литературе XVI–XVIII вв., поскольку именно тогда, по мнению В.С. Трофимовой, намечается особая гендерная напряженность, связанная с тем, что достойные примеры деятельности известных в обществе женщин «поставили под вопрос традиционное разделение гендерных ролей, при котором в публичной сфере – в политике, литературе и науке (в широком смысле слова) – доминировали мужчины» [2, с. 338].

И связан «спор» не столько с наличием или отсутствием женщин-писательниц, сколько с серьезностью вопросов, поднимаемых авторами произведений о роли женщины в обществе. «Спор» представляет собой некое «общение» произведений на тему общественного положения женщин, превосходства одного пола над другим, нравственности женщины, её совершенства. Противники и даже женоненавистники опирались на мнение Аристотеля о несовершенной природе женщины. Известный своей антиженской позицией «Роман о Розе» (*Roman de la Rose*, XIII в.), часть пера Жана де Мена, высмеивающий рыцарские идеалы, в качестве центрального недостатка женщины определяет её неверность. Сторонники женщин аргументировали их превосходство тем, что женская красота совершеннее мужской, поскольку женщина была создана в раю (Корнелий Агриппа Неттесгеймский¹, XVI в.). Первая профессиональная женщина-писательница Кристина Пизанская² (1364 – ок. 1430) остро ставила вопрос о необходимости для женщин получать образование [3, с. 108].

По мнению В.С. Трофимовой, истоки «спора о женщинах» следует искать в XIV в. [2, с. 339]. Переходный характер рубежа XIV–XV вв. обусловил неподдельный интерес позднесредневековых авторов к данной теме. В английской литературе этого времени М. Никола обозначает истоки женской авторской прозаической литературы примером творчества Юлианы из Нориджа (1342–1404)³ и Марджери Кемп из Линна (1373–1438?)⁴ [4, с. 122]. Но эти две писательницы относятся к средневековой духовной литературе мистиков. Светскими писателями в Англии XIV в. были только мужчины. Самым видным из тех, кто отразил передовые для своего времени

¹ «О благородстве и преимуществе женского пола» (*De nobilitate et praecellentia foeminae sexus*, 1529).

² «О Граде женском» (*Le Livre de la cité des dames*, 1405).

³ «Откровения Божественной любви» (*Revelations of Divine Love*, 1373).

⁴ «Книга Марджери» (*The Book of Margery*, ?1436).

взгляды на роль женщины, попытавшись вырваться из литературных канонов средневековой литературы, является Джеффри Чосер. Т.Б. Рябова указывает на специфическую позицию поэта по отношению к женщине: «Соглашаясь, что женской природе присущи чувственность, импульсивность, непостоянство, Чосер относится к этому более чем снисходительно – он реабилитирует плоть и плотские желания» [5, с. 25].

Отдельный выпуск журнала «The Chaucer Review» посвящен творчеству Д. Чосера в контексте европейской традиции «спора о женщинах» (*The Woman Question*) [6]. Существуют отдельные исследования гендерного аспекта творчества поэта [7; 8], но в отечественном литературоведении системный анализ целостного восприятия образа женщины в творчестве Д. Чосера отсутствует.

Актуальность настоящей статьи обусловлена недостаточным вниманием к произведениям Д. Чосера, включая видение «Книга герцогини» (*The Book of the Duchess*, ?1369), поэму «Троил и Крессида» (*Troilus and Criseyde*, ?1385) и непереведенную на русский язык «Легенду о славных женщинах» (*The Legend of Good Women*, ?1386), представляющим английскую светскую литературу XIV в. и выражающим выделяющийся среди современников их автора гуманистический взгляд на природу и роль женщины, выходящий за рамки литературных канонов. Целью данного исследования является описание портрета «хороших женщин» в произведениях Д. Чосера, определение способов оправдания женщины в творчестве поэта и оценка его участия в «споре о женщинах».

Основная часть. Куртуазные авторы стремились изложить или даже навязать свои представления о том, как добиться расположения дамы, но не принимали во внимание её индивидуальность. Даже куртуазные каноны не смогли индивидуализировать и освободить женские образы от мужского доминирования: «Прекрасная Дама – женщина, которая “создавалась” мужчиной при полном игнорировании её природы или личностных качеств, создавалась по воле мужчины, на основании его представлений о женщине, изложенных в куртуазной литературе» [9, с. 103]. В куртуазных сюжетах образ дамы статичен, гиперболизирован и идеален с характерным отсутствием стремления изучить природу женщины и мотивы её поступков.

В куртуазном духе Д. Чосер описывает образ женщины в видении «Книга герцогини», в поэме «Троил и Крессида». «Книга герцогини» начинается с описания страданий повествователя от бессонницы и страданий супруги элладского царя Алкионы от неведения о судьбе мужа, отбывшего в море. Это древний миф о побеждающей смерть любви, в котором женщина показана преданной: узнав о гибели мужа, Алкиона сама отошла в мир иной через три дня. Серьезный тон античного сюжета нарушает шутивное сопоставление беды Алкионы и бессонницы повествователя: он молится тем же богам, что и она, чтобы они дали ему поспать, ведь даже Алкиона смогла уснуть, несмотря на свои переживания.

Далее в своем видении повествователь встречает опечаленного рыцаря в черных одеждах. И читатель уже сочувствует не Алкионе, но рыцарю, поскольку его состояние описывается достаточно детально и проникновенно. И пространная речь рыцаря нас в этом убеждает: «О, где мой пыл, и где мой смех? / Я все утратил – все, что мог! / И жизни подведу итог, / Коль скоро к ней потерял вкус...»⁵ [10, с. 49]. Такой поворот вызывает сомнения у исследователей, о ком же написано произведение: о женщинах или мужчинах⁶ (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – А.С). К тому же повествователь, узнав о любовной причине страданий рыцаря и его стремлении покончить с жизнью, отговаривает страдальца, используя образы мстительных женщин, пострадавших от своих возлюбленных (Медея, Дидона).

И основной композиционной частью является изображение образа возлюбленной Черного Рыцаря, выполненное высоким слогом утонченной куртуазной поэзии (*fin amor*) [13, p. 10]. Рыцарь описывает идеальный образ Белоснежки: «Юница кроткая сия / Не знала спеси – но, лия / Свет ослепительный округ, / Затмила напрочь всех подруг»⁷ [10, с. 55]. Основные качества, воспеваемые рыцарем: внешняя красота и скромность, забота о простых людях. Она дружелюбна, умна, всегда весела, приветлива, добра, стремится всем помочь, дает мудрые советы, её манеры изящны. Наделенная такой божественной красотой, женщина была ограждена от злого умысла. В описании Белоснежки преобладает прием гиперболизации: «Собрать бы вместе миллион / Учтивых дев и добрых жен – / Кольми бы сонм такой блистал! / Но даже там на пьедестал / Она взошла бы в небывалом / Собрании служить зеркалом»⁸ [10, с. 64]. Отдельно упоминается верность Белоснежки, сравнимая с таковой у Пенелопы и Лукреции. Рыцарь не мог провести без неё ни дня, желал служить ей. Ради неё он бы бросил бранные дела. Первое признание происходит по всем канонам куртуазной литературы: влюбленный бледнеет, краснеет, ни жив, ни мертв. Но она согласилась на его повторное предложение только через год, когда поняла его благие намерения. Обязательное условие – сделать предложение согласно этикету: «Обласкан девою и согрет – / Насколь дозволил этикет, – / Я перстень от неё приял»⁹ [10, с. 83].

Д.У. Робертсон усматривает нарушение рыцарского канона поведения влюбленного в эгоистичной, чувственной страсти Черного Рыцаря¹⁰ [14, с. 250]. Ведь до встречи с Белоснежкой он увлекался многими дамами,

⁵ «And how I have lost suffisance, / And therto I have no pleasance, / Than may I say I have ryght noght. / And whan al this falleth in my thought, / Allas, than am I overcome!» [11, p. 339].

⁶ «In short, is *BD* a book about the duchess or about the men who made it (through recollection and composition)?» [12, p. 61].

⁷ «For al the world so hadde she / Surmounted hem alle of beaute, / Of maner, and of comlynesse, / Of stature, and of wel set gladnesse, / Of goodlyhede so wel beseye...» [11, p. 340].

⁸ «For I dar swere wel, yif that she / Had among ten thousand be, / She wolde have be, at the leste, / A chef myrour of al the feste, / Though they had stonden in a rowe, / To mennes eyen that koude have knowe» [11, p. 342].

⁹ «And therwith she yaf me a ryng; / I trowe hyt was the firste thyng» [11, p. 345].

¹⁰ «... the Black Knight's behavior contrasts sharply with the current conception of chivalric love... His approach shows no virility,

но настоящую любовь познал только с ней. Однако для повествователя и его аудитории восприятие Белоснежки остается в традиционных рамках. Поэтому можно считать, что такой прием используется для отражения разницы между двумя персонажами, основанной также на отношении к смерти Белоснежки: для рыцаря это невосполнимая утрата, о которой он собирается горевать всю свою жизнь; простоватый и наивный повествователь желает утешить своего собеседника, призывая его жить памятью о своей королеве. И если данная поэма написана Д. Чосером в утешение Джону Гонтю, потерявшему свою супругу Бланш, то можно считать поставленную цель достигнутой, поскольку её идеализированный образ возлюбленной, подруги, спутницы жизни сохранился в письменном виде, никогда не сотрется из памяти.

Задача повествователя поэмы «Троил и Крессида» – дать утешенье страдальцам любви на примере истории Троила. Однако и здесь мы сталкиваемся с мужской точкой зрения: Троил страдает от измены возлюбленной, судьба которой решается практически без её участия; Крессида лишена своей воли, её влюбляет в Троила дядя Пандар, подстраивая их встречи и напутствуя принца, как завоевать её сердце. При описании Крескиды Д. Чосер традиционно подчеркивает её невиданную, изрядно преувеличенную, красоту и высокое происхождение: «Сия вдова, по имени Крессида, – / В том не колеблясь я поруку дам – / Красой лица и благородством вида / превосходила всех троянских дам: / должно быть, лишь бессмертным существам, / Что населяют ангельские кущи, / Черты столь совершенные присущи»¹¹ [15, с. 9], «Она умна, учтива – просто клад, / Притом весьма высокого рожденья, / Да и собой, не правда ль, загляденье!»¹² [15, с. 38]. Гиперболизируя красоту дамы, автор останавливается на её робости, но вместе с тем и рассудительности, желании соблюдать все общественные нормы поведения. Автор много внимания уделяет сомнениям главной героини, когда дядя склоняет её к любви с царевичем, она же руководствуется только добропорядочностью и жалостью к Троилу. Кроме красоты внешней, её внутренние добродетели не уступают королевским: она кроткая, веселая, ее речи приятные, она здраво мыслит, щедра и благородна.

Традиционно описывается и поведение влюбленного: на расстоянии он оказывает знаки внимания возлюбленной, чтобы никто не заметил. От своих любовных мучений, по его мнению, его избавит только смерть. Троил клянется служить своей Даме вечно. В сцене объяснения Троил ведет себя, как все рыцари перед своей дамой: «Итак, дрожащим голосом, и сам / Дрожа как лист, краснея и бледнея, / Не веря в страхе собственным устам, / Воззвал он к милой, глаз поднять не смея. / И что ж сказал он ей? Или, вернее, / Что простонал, от робости дрожа?»¹³ [15, с. 114]. И это при том, что в начале истории Троил предстает перед читателем как юноша, не понимающий и насмехающийся над влюбленными и их муками.

В разгар взаимных пылких отношений Крессиду без её согласия решено обменять на плененного троянского воина. Одним из немногих проявлений её воли является желание поступить в этом случае хитро: и не ослушаться городского совета, и не обидеть Троила, а также не навлечь на них обоих позора и сплетен. В разлуке страдания обоих безграничны, что детально описывается автором. Крессида осознает, что Троил мучается по её вине, отчего она страдает вдвойне. Данная характеристика доказывает отсутствие корыстолюбия и эгоизма в Крессиде. Напротив, она чувствует свою ответственность за возлюбленного. Но в лагере у греков она боится остаться без защитника, если Троя падет. В ней говорит здравый смысл. Примечательно отношение повествователя к её поступку: «Я, впрочем, возмущаться слишком яро / Не склонен злополучною вдовой. / И без того её постигла кара: / На целый свет ославлена молвой, / Она сама же за поступок свой / Себя казнила; этого довольно, / Чтоб мы её простили сердобольно»¹⁴ [15, с. 279]. В этих словах проступает призыв прощать женщин, не осуждать их строго, ведь каждый может ошибиться.

Д. Чосер не может отступить от заимствованного им сюжета, о чем он неоднократно упоминает в тексте, а вместе с этим – и от основного посыла оригинала. И даже главная героиня осознает самое серьезное последствие своего поступка: «А строже всех / Осудят жены мой свершенный грех. / Своим паденьем, скажут, мол, Крессида / На всех на них бесчестье навлекла!»¹⁵ [15, с. 277–278]. При всей видимости того, что автор был вынужден писать с точки зрения мужчин, в конце мы видим его истинное намерение в обращении и к противоположному полу: «Еще хотел бы жен я остеречь / В любви от вероломства и обмана: / От ловких умников, чья льстива речь / И что предать готовы вас нежданно. / Ведь не одни мужчины, как ни странно, / Доверчивы бывают чересчур. / Молю, подальше от таких натур!»¹⁶ [15, с. 304]. В целом, кажется, что поэма посвящена исследованию поэтом путей любви, освещая разные её аспекты [16, с. 56]: так, пространно описания превращения Троила из числа мужчин, насмехающихся над влюбленными, в самого пылкого служителя своей Даме и описания преобразования Крескиды из вдовы, не помышляющей о мужчинах, в любящую женщину, предпочитающую смерть разлуке с любимым.

and, certainly, no chivalry. On the contrary, it reveals a merely selfish “sensible passion” without any virtue to commend it».

¹¹ «Criseyde was this lady al right. / As to my doom, in al Troies cite / Nas non so fair, forpassynge every wight, / So aungelik was hir natif beaute, / That lik a thing immortal semed she, / As doth an hevenyssh perfet creature, / That down were sent in scornynge of nature» [11, p. 474].

¹² «For of good name and wisdom and manere / She hath ynough, and ek of gentilnesse» [11, p. 485].

¹³ «In changed vois, right for his verray drede, / Which vois ek quook, and therto his manere / Goodly abaist, and now his hewes rede, / Now pale, unto Criseyde, his lady dere, / With look down cast and humble iyolden chere...» [11, p. 515].

¹⁴ «Ne me ne list this sely woman chyde / Forther than the storye wol devyse. / Hire name, allas, is publysshed so wide / That for hire gilt it oughte ynough suffice. / And if I myghte excuse hire any wise, / For she so sory was for hire untrouthe, / Iwis, I wolde excuse hire yet for routhe» [11, p. 574].

¹⁵ «And women moost wol haten me of alle. / Allas, that swich a cas me sholde falle! / Thei wol seyn, in as mucche as in me is, / I have hem don deshonour, weylaway!» [11, p. 574].

¹⁶ «N`y sey nat this al oonly for thise men, / But moost for women that bitraised be / Thorough false folk – God yeve hem sorwe, amen! – / That with hire grete wit and subtilte / Bytraise yow. And this comveveth me / To speke, and in effect yow all I preye, / Beth war of men, and herkneth what I seye!» [11, p. 583–584].

М. Никола отмечает выход любовной истории героев за границы куртуазного канона, указывая на то, как серьезность и патетика истории о любовных страданиях снижается иронией Пандара и на измену главной героини, обусловленную внешними обстоятельствами [17, с. 276]. Этот прием послужил, скорее, попытке углубить психологизм при изображении не только влюбленной пары, но и Пандара, а также представить философское осмысление Любви: «Философское осмысление изображаемых событий как у Чосера, так и у Шекспира отмечено включением истории любви героев в структуру и систему мироздания. При этом организующей силой этой системы у Чосера выступает Любовь в её готической устремленности к Богу, и герой в финале поэмы проникается первостепенной значимостью Любви небесной» [17, с. 281].

Не может не заслуживать внимания баллада «Похвала женщине» (*Womanly Noblesse*, XIV в.), обращенная к возлюбленной не только с восхищением её внешней красотой и достоинствами, выражением желания преданно служить ей, но и признанием её значения и женственности как источника душевного спокойствия мужчины¹⁷.

Баллада «Розамунде» (*To Rosemounde*, ?1369) строится на переходе от серьезного, возвышенного тона прославления чувств к возлюбленной к юмористическому тону при гастрономическом сравнении всеобъемлющей любви: «Сильнее я любовью объят, / Чем окунь жареный объят сметаной; / И все о том приметы говорят, / Что я другая ипостась Тристана»¹⁸ [18, с. 565]. И такой контраст усиливается сопоставлением лирического героя с самым идеальным рыцарем Средневековья, чьи намерения к его Изольде были искренними, а трагический финал их любви и его страдания не допускают и тени насмешки. Такое ироническое обыгрывание условностей куртуазной любви также объясняется литературной традицией.

В сборнике благочестивых рассказов «Легенда о славных женщинах» в прологе-видении Д. Чосер обосновывает необходимость создания своей книги: повествователя, поэта и влюбленного, в его сне укоряет бог любви за недостаточно преданное служение ему, хотя автор много внимания уделяет описанию возвышенных любовных чувств повествователя к своей возлюбленной. Образ возлюбленной и желание ей служить, даже призыв не судить строго поэтическое мастерство влюбленного остаются в рамках куртуазных традиций. Бог любви говорит, что поэт не достоин служить богине любви, поскольку он стал их врагом, когда перевел «Роман о Розе» и написал о неверной Крессиде: «Ты не можешь отрицать, что простыми словами, близко к оригиналу ты перевел «Роман о Розе», который порочит мои законы и заставляет мудрых людей отворачиваться от меня. И об измене Крессиды ты рассказал так, что теперь мужчины меньше доверяют даже самым верным женщинам»¹⁹. Супруга Амура Алкеста вступает за поэта, она играет роль наставницы, хочет смягчить гнев Амура. Этот мотив развивается в назидательном тоне, как поучения, каким должен быть правитель: справедливым, уметь во всем разобраться, независимо от происхождения обвиняемого. Д. Чосер апробирует здесь прием, который он углубит в рассказе батской ткачихи: Алкеста (как и супруга короля Артура) смогла убедить мужа не наказывать поэта слишком строго, она показала себя как добродетельная и честная. К тому же автор намеренно вводит в качестве супруги Амура именно Алкесту, согласно легенде пожертвовавшую своей жизнью ради жизни Адмета: она добровольно сошла в ад вместо него, чтобы отсрочить его смерть.

Поэт, в свою очередь, оправдывается. Обращаясь к «Роману о Розе» и сюжету о Троице, он хотел только предупредить о лжи и пороке в любовных делах, но не выступать против верных влюбленных²⁰. И Алкеста назначает в наказание поэту писать о верных женщинах и о мужчинах, предавших своих возлюбленных: «Ты должен большую часть своего времени в течение своей жизни посвящать созданию легенд, прославляющих хороших женщин, девушек и жен, которые были верны своим возлюбленным всю свою жизнь; и рассказывать о неверных мужчинах, которые их предали, и все время только и считали, скольким женщинам они навредили. Ведь в вашем мире это стало игрой»²¹. Бог любви на примере такого добродушия своей королевы указывает на то, что только благородное сердце способно к состраданию и великодушию. Бог любви рассказывает легенду о верности Алкесты, хвалит её, она скромно краснеет. Она должна быть примером для всех влюбленных женщин. Поскольку она научила благородной и возвышенной любви и показала пример достойного поведения женщин²². Напоследок Амур подчеркивает, что добропорядочных и верных женщин больше, чем тех, которых поэт собирается перечислить в своей книге.

Героини легенд, кроме Клеопатры, – мифические и литературные персонажи. Судя по написанным девяти легендам основное внимание поэта привлекали такие качества женщины, как верность возлюбленному (Клеопатра), приводящая к её самоубийству, нежелание жить без его любви (Фисба, Дидона, Гипсипила), честность перед мужем и обществом (Лукреция), когда её верность была силой нарушена, что тоже приводит к её смерти.

¹⁷ «...whan that your gentilnesse / Of my grete wo liste do alleggeaunce, / And with your pite me som wise avaunce / In ful rebatung of myn hevynesse» [11, p. 650].

¹⁸ «Nas never pyk walwed in galauntyne / As I in love am walwed and ywounde, / For which ful ofte I myself devyne / That I am trewe Tristam the secounde» [11, p. 649].

¹⁹ «Thou maist yt nat denye, / For in pleyn text, withouten nede of glose, / Thou hast translated the Romaunce of the Rose, / That is an heresy ayeins my lawe, / And makest wise folk fro me withdrawe; / And of Creseyde thou hast seyde as the lyste, / That maketh men to women lasse triste, / That ben as trewe as ever was any steel» [11, p. 597].

²⁰ «... yt was myn entente / To forthren trouthe in love and yt cheryce, / And to ben war fro falsnesse and fro vice / By swich ensample; this was my menyng» [11, p. 601].

²¹ «Thow shalt, while that thou lyvest, yer by yere, / The moste partye of thy tyme spende / In making of a glorious legende / Of goode wymmen, maydenes and wyves, / That weren trewe in loving al hire lyves; / And telle of false men that hem bytraien, / That al hir lyf ne don nat but assayen / How many women they may doon a shame; / For in youre world that is now holde a game» [11, p. 601].

²² «For she taught al the craft of fyn lovynge, / Ans namely of wyfhod the lyvynge, / And al the boundes that she oghte kepe» [11, p. 603].

В рассказе об Ариадне выстроен контраст между способностью к жалости у мужчины и женщины. Царь Минос не ответил взаимностью на оказанную влюбленной в него женщиной помощь в завоевании города, а его дочь ждалась над его пленником Тезеем, который в итоге её обманул.

История о Филомеле представляет жестокого, сладострастного мужа её сестры, который, добившись Филомелу силой, отрезал ей язык и спрятал в замке как пленницу. Подчеркивается сила любви Филомелы к сестре, которая не побоялась оставить отчий дом, чтобы навестить сестру. В легенде о Филии в основе сюжета – обман мужчины, в которого она влюблена и который украл её сокровища. Подчеркивается мысль о том, что он поступил с ней так же, как и его отец – с Ариадной, упомянутой выше. Легенда о Филии завершается отеческим предупреждением от повествователя: «Остерегайтесь, о женщины, коварного врага, примеры действий которого мы можем видеть и сегодня; и в любовных делах доверяйте только мне»²³. Здесь автор возвращается к теме, поднятой в начале книги, о достоверности описываемых в уважаемых источниках сведениях и необходимости верить им, а не проверять все на собственном опыте.

Последняя легенда повествует о выборе дочери между смертью отца, предсказанной ему от рук его племянника, и смертью мужа, которого её отец просит собственноручно убить. Гипермнестра рассуждает о том, что женские руки не предназначены убивать, она не хочет быть неверной своему долгу жены и жить с этим грехом всю жизнь. Она решает спасти мужа и попадает за это в тюрьму. Оценивая «Легенду о славных женщинах», А.Н. Горбунов делает предположение, что, отстаивая традиционный идеал брака, «Чосер нанес удар по прочно укоренившимся в Средние века представлениям об иерархии мужского и женского начал», ведь в отношении нравственности все героини намного выше своих мужчин [16, с. 44].

По мнению И.Ю. Старостиной, в данном произведении Д. Чосер ограничивает пространство благородных женщин только жизнью в браке, обходя публичную сферу [7, с. 8]. Возможно, только в частной сфере женщина может проявить свои лучшие качества, что приближает её образ к реальному, отдаляя от куртуазных шаблонов. Высказывая сомнения о том, что в реальной английской жизни существует идеальный мужчина, соответствующий требованиям рыцарского кодекса, Д. Чосер, по словам И.Ю. Старостиной, отражает реальные социальные изменения в обществе, свидетельствующие о закате традиционной куртуазной культуры и увеличении роли среднего класса [7, с. 9]. Отношение поэта к этим изменениям можно заметить и в «Кентерберийских рассказах» в противопоставлении образов куртуазных дам из рассказов паломников и образов батской ткачихи и персонажей из рассказов в жанре фаблю. О проявлении нового сознания и ментальности в образе ткачихи говорит и К.Г. Тебенев [8, с. 115].

В «Кентерберийских рассказах» (*The Canterbury Tales*, 1390-е), самом значимом произведении поэта, важное значение занимают женские образы, поскольку они выступают в повествовательном соревновании наравне с мужчинами: все без исключения с уважением выслушивают историю второй монахини о святой Цецилии, благочестивую легенду аббатисы, задумавшись над сказанным ей, выслушивают и длинный пролог и рассказ батской ткачихи; когда её пролог прерывается перебранкой пристава и кармелита, трактирщик за неё уважительно вступается.

И неспроста второе место после рассказа рыцаря занимает история измены жены из уст пьяного мельника. Главная мысль: женский нрав слабый, верная жена – большая редкость. Как оправдание поступку молодой жены служат приведенные мельником слова Катона: «Простак не знал Катона, / Который написал во время оно: / “Жениться следует ровне с ровней, / И однолеткам в паре быть одной”»²⁴ [18, с. 86]. И не зря автор крайне положительно описывает красоту и живость Алисон. Хотя она и идет на оправданное уже автором бесчестие мужа, но не изменяет своему избраннику Николасу, когда Авессалом пытается добиться её внимания. Этим автор утверждает ее свободу выбора и верность сердца возлюбленному. В конце рассказ концентрируется на соперничестве Николаса и Авессалома, а не на измене Алисон. Еще один рассказ в духе фаблю затрагивает вопрос жадности мужа, жена скрывает свою измену, резонно укоряя мужа в его скупости. Из рассказа шкипера Гарри Бэйли выносит вывод о кознях монаха, а нечестный поступок жены здесь второстепенен и получает оправдание, поскольку сама героиня сумела выйти сухой из воды.

Подбирая сюжеты фаблю для «Кентерберийских рассказов», Д. Чосер подстраивает условность этого жанра под свои задачи: богиня Прозерпина помогает оправдаться перед мужем молодой Мае, которую он застал за изменой. В типичный сюжет фаблю об адюльтере автор влетает нешуточный спор Плутона и его жены о предательстве женщин. Аргумент Плутона – слова Соломона о развратном женском нраве. Возражения Прозерпины, защищающей весь женский род, основываются на известных литературных источниках о примерах добродетельных женщин («Римские деяния» (*Gesta Romanorum*, кон. XIII – нач. XIV в.), агиографии о мученицах), и на утверждении, что Соломону не встречались хорошие женщины, а другим встречались²⁵, на критическом подходе к словам царя: «Хотя бы даже прав был Соломон, / Что не видал хороших женщин, – он / Хотел сказать, что совершенен Бог, / А смертный без различья пола плох»²⁶ [18, с. 273].

²³ «Be war, ye wemen, of youre subtyl fo, / Syn yit this day men may ensaunple se; / And trusteth, as in love, no man but me» [11, p. 628].

²⁴ «He knew nat Catoun, for his wit was rude, / That bad man sholde wedde his simylytude. / Men sholde wedden after hire estaat, / For youthe and elde is often at debaat» [11, p. 68].

²⁵ «I woot wel that this Jew, this Salomon, / Foond of us wommen fooles many oon. / But though that he ne foond no good womman, / Yet hath ther founde many another man / Wommen ful trewe, ful goode, and virtuous» [11, p. 166].

²⁶ «Though that he seyde he foond no good womman, / I prey yow take the sentence of the man; / He mente thus, that in sovereyn bontee / Nis noon but God, but neither he ne she» [11, p. 166].

Самое интересное в её линии защиты – это доказательство непоследовательности в поступках царя (он построил храм и Богу, и языческим богам, а в старости он погряз в распутстве и ереси), из которого вытекает, что на его мнение о женщинах нельзя опираться. После этих логичных доводов Плутон уступает жене и позволяет ей помочь изменщице оправдаться перед мужем. Но в обсуждении этого сюжета трактирщик-судья подытоживает, что женщины склонны обманывать, прибегая к различным уловкам. Он приводит в пример свой опыт из жизни со сварливой женой, которая не блещет умом, а только гораздо придираться. То есть трактирщик выражает типичное мнение противников «спора о женщинах» и излагает шаблонные характеристики женщин. Также Д. Чосер поднимает здесь устами Гарри Бэйли вопрос о том, стоит ли жениться: для Бэйли жена – обуза.

Темы брака Д. Чосер коснулся и в лирическом послании «Совет Бактону относительно женитьбы» (*Leuoy de Chaucer a Buckton, ?1396*). Д. Чосер намекает на сравнение брачных уз с цепями, сковавшими сатану, но обвиняет в этом его самого. Поэт называет женитьбу ловушкой и призывает прочесть рассказ батской ткачихи. Финальные строки выражают пожелание прожить жизнь, свободную от уз: «Да позволит Бог прожить твою жизнь свободно, поскольку быть связанным узми тяжело»²⁷. Большинство исследователей сходятся во мнении, что такой совет не выражал истинного отношения поэта к теме брака. Скорее, здесь следует учитывать стремление Д. Чосера к освещению какой-либо тематики с разных сторон, иронической в том числе.

Ткачиха, судя по её рассказу о самой себе, очень похожа на Алисон из истории мельника: женщина со своими недостатками и чаяниями, ищущая свое земное счастье. Ее сказочно-рыцарская история затрагивает такие вопросы, как уважение мужа к жене, его скупость, мудрость женщины как самая главная добродетель жены. И снова Д. Чосер смещает центр повествования на те мысли ткачихи как персонажа книги, которые он сам в ней вывел на первое место в ее прологе. В то же время незаметно автор вводит достаточно важное свое наблюдение: женщина способна аргументированно защитить себя, свободно обращаясь с литературным и философским наследием Данте, Сенеки, Бозция, Ювенала. Старуха разубеждает молодого рыцаря в его же словах, когда он её укоряет в безродности, бедности, старости и уродстве. Рассказ батской ткачихи паломники оценили какпреважный, который был бы полезен всем, если бы нашелся ответ на вопрос: что для женщины важнее всего.

Заключение. Таким образом, Д. Чосер, написав целое оправдательное произведение «Легенда о славных женщинах» и указав на основной источник негативного литературного мнения, сложившегося в Средневековье о женщинах, – «Роман о Розе», демонстрирует свое осознание необходимости противопоставить ему его собственное положительное видение природы женщин. Традиционными обвинениями против женского пола в Средние века были упреки в неверности, злословии, несовершенстве ума и отсутствии добронравия.

Д. Чосер в целом положительно относится к женщине, о чем свидетельствуют частые обращения к женским образам. Малые поэтические пробы, как и более крупные, демонстрируют стремление поэта всесторонне осмыслить природу любовных чувств: в серьезном тоне («Похвала женщине», «Книга герцогини», любовная линия Троила и Крессида, «Легенда о славных женщинах») и с иронией («Розамунде», роль Пандара в развитии отношений Троила и Крессида, рассказы паломников в духе фаблю). Поэт призывает не судить строго об их ошибках и не распространять мнение о недостатках немногих женщин на всех представительниц прекрасного пола («Троил и Крессида»).

Образ женщины XIV в., по мнению Д. Чосера, прямо противоположный устоявшемуся в Средние века мнению: женщина – верная хранительница семейного очага (даже батская ткачиха хранила верность всем своим мужьям, которых она пережила). Но она имеет право бороться за свое счастье в некоторых случаях: вдовы могут выйти замуж вновь, жены старых, глупых или даже жадных мужей могут наказать их изменой («Кентерберийские рассказы»). Такие исключения совершенно не разрушают идеала брака, который Д. Чосер отстаивал в «Легенде о славных женщинах», напротив, его главной целью было предупредить и жен, и мужей о том, что может разрушить их брак, на что нужно ориентироваться перед выбором супруги. Немаловажна демонстрация того, как женское начало уравнивает мужское в их союзе: гнев мужа может обуздать только жена, она призывает к справедливости и благородству (Амур и Алкеста, король Артур и королева). Таким образом, поведение жены может оказывать влияние не только на семью, но и иметь общественно-социальное значение.

Использование куртуазной поэтической традиции позволяет Д. Чосеру показать, что женщины своей красотой зажигают жизнь в мужчине («Книга герцогини»), пробуждают в нем вселенское чувство Любви («Троил и Крессида»). Они способны проявлять высокие чувства, сострадание к простым людям, ответственность за жизнь возлюбленного, не меньше мужчин заботятся о соблюдении общественных приличий.

В произведениях Д. Чосера можно выделить следующие способы защиты женщин: опора на сюжеты и образы из авторитетных античных источников (Алкеста и героини «Легенды о славных женщинах»), осуждение авторитетов, порочащих женщин (Соломон в «Кентерберийских рассказах»), использование рационального подхода при анализе личности авторитета (Соломон). На примере взаимоотношений богов Прозерпины с Плутоном и Амура с Алкестой Д. Чосер показывает, что нужно уважать женщину, тогда она будет образцом благонравия, доброты. Желание предостеречь женщин и уберечь их от связи с недобросовестными мужчинами, способными на предательство и неуважительное к ним отношение, также представляет собой способ защиты прекрасного пола. Д. Чосер также подталкивает читателя к сопоставлению обоих полов, говоря о том, что чрезмерная чувствительность («Троил и Крессида»), стремление искать выгоду через обман (монах Джон из рассказа шкипера), злонравие (Авессалом из рассказа мельника) свойственны и мужчинам.

²⁷ «God graunte yow your lyf frely to lede / In fredam, for ful hard is to be bonde» [11, p. 656].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбакова О.Г. Женщина в культуре западноевропейского средневековья (по материалам современной американской научной периодики). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 118 с.
2. Трофимова В.С. «Спор о женщинах» в европейских культурах конца XVI – начала XVII века // Диалог со временем. – М: ИВИ, 2015. – Вып. 50. – С. 338–349.
3. Трофимова В.С. Проблема женщины в эпоху раннего Возрождения: Кристина Пизанская // Вестник МГПУ. Сер. «Филологические науки». – 2013. – № 2(8). – С. 103–112.
4. Никола М.И. Истоки женской повествовательной прозы в Англии («Откровения божественной любви» Юлианы из Нориджа и «Книга Маджери» М. Кемп из Линна) // Вестн. Вятского гос. гуман. ун-та. – 2012. – № 3(1). – С. 121–129.
5. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. – Иваново: Изд. центр «Юнона», 1999. – 212 с.
6. Matlock W.A., McCormick B. The Woman Question: Chaucer in His European Context // The Chaucer Review: A journal of medieval studies and literary criticism. – 2020. – Vol. 55, No. 4. – P. 345–356.
7. Старостина И.Ю. Дж. Чосер о гендерном поведении английского дворянства // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. – 2012. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 7–10.
8. Тебенев К.Г. Интегральность идентичности и специфика творчества Дж.Чосера // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2013. – № 374. – С. 114–116.
9. Букатова Д.М., Колесниченко Л.И. Культ Прекрасной Дамы как отражение средневековой концепции несовершенства женской природы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Проблемы культурологии. – 2017. – № 2. – С. 98–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-prekrasnoy-damy-kak-otrazhenie-srednevekovoy-kontseptsii-nesovershenstva-zhenskoy-prirody/viewer>. (Дата обращения: 03.05.2024).
10. Чосер, Джеффри. Книга о королеве. Птичий парламент / Пер. с англ., коммент. С.А. Александровского. – М.: Время, 2004. – 224 с. (Триумфы).
11. The Riverside Chaucer / Third edition. Benson, Larry D., ed. Based on *The Works of Geoffrey Chaucer* Edited by F.N. Robinson. – Boston, MA.: Houghton Mifflin, 1987. – 1327 p.
12. Fumo J.C. Making Chaucer's *Book of the Duchess*. Textuality and Reception. – Cardiff: University of Wales Press, 2015. – 244 p.
13. O'Connell, J. Emotional Boundaries in Chaucer's *Book of the Duchess* // Midlands Historical Review [Electronic source]. – Vol. 2. – 2018. – URL: <http://www.midlandshistoricalreview.com/emotional-boundaries-inchaucers-book-of-the-duchess/>. (Date of access: 02.05.2024).
14. Robertson D.W. Jr. The Historical Setting of Chaucer's *Book of the Duchess* // Essays in Medieval Culture. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. – P. 235–256.
15. Чосер Дж. Троиц и Крессида / пер. М. Бородинской // Чосер Дж., Хенрисон Р., Шекспир У. Троиц и Крессида. Завещание Крессида. Троиц и Крессида / изд. подгот. А. Н. Горбунов, М. В. Оверченко, Н. Т. Пахарьян ; отв. ред. А. Н. Горбунов. – М.: Наука. – С. 5–307.
16. Горбунов А.Н. Чосер средневековый. – М.: Лабиринт, 2010. – 335 с.
17. Никола М.И. «Троиц и Крессида» Дж. Чосера и «Троиц и Крессида» У. Шекспира: опыт сравнительного анализа // Информационный гуманитарный портал «Знание, понимание, умение». Проблемы филологии и искусствознания [Электронный ресурс]. – № 4. – 2015. – URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/174>. (Дата обращения: 03.05.2024).
18. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. – М.: Наука, 2012. – 951 с. (Литературные памятники).

Поступила 27.05.2024

POSITIVE FEMALE IMAGE IN GEOFFREY CHAUCER'S WRITINGS

A. SMULKEVICH

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The present article studies the writings of the XIVth century English poet Geoffrey Chaucer as correlated with such literary phenomenon as «querelle des femmes», that stated female perfection. The poet disproves all traditional accusations against women in unfaithfulness and infidelity, slander, unreason by means of using examples from legends and history and using courtly canon to make ideal the image of the beloved, capable to simultaneously function as a wise adviser, a friend and a faithful spouse. G. Chaucer tends to explore the essence of Love as Universal law that can transform both men and women into such people who are ready to sacrifice their life for their beloved. According to the poet a woman is created to balance a man in such a way as to keep him from wrath, superstitions and injustice. This idea leads to the deduction that the poet expected women's influence spread beyond private, family sphere. G. Chaucer considered that his main task was to warn both men (especially old, silly, greedy husbands) and women (gullible women should not become victims for unfaithful, deceitful men who can betray) against negative love situations. In connection to this, he called to apply empiric approach basing on experience accumulation through reading ancient sources and their critical comprehension, the example of which he provides in his own analysis of inconsistency in the wise Solomon's actions and statements.

Keywords: «querelle des femmes», secular literature, courtly canon, fabliaux, defense of women, an image of faithful wife, warning for men and women in love.